

RU

Взаимодействие России и США в сирийском конфликте через призму внутривнутриполитической борьбы в период второго президентства Б. Обамы (2012-2016 гг.)

Надточей Ю. И., Христенко Д. Н.

Аннотация. Цель исследования - выявить особенности взаимодействия России и США в ходе конфликта в Сирийской Арабской Республике (САР) с учетом анализа внутривнутриполитических аспектов процесса принятия внешнеполитических решений второй администрацией Б. Обамы. Основное внимание сфокусировано на периодизации конфликта в Сирии. Через его динамику выявляется подвижность позиций России и США по вопросу о внешнем вмешательстве в конфликт, его масштабах и задействованных инструментах. Научная новизна исследования заключается в применении оригинальной теоретико-методологической схемы анализа политики великих держав в региональных конфликтах. В центр анализа помещена линия поведения США в сирийском конфликте. Она исследуется на нескольких уровнях с учетом взаимосвязанности внутренних (столкновение партийных и ведомственных интересов) и внешних факторов (влияние других держав, в частности России), определяющих выбор того или иного решения. В результате определено, что президент Б. Обама, вопреки внутреннему давлению со стороны апологетов военного вмешательства в конфликт, активно сопротивлялся решению о применении силы против режима Б. Асада, не желая повторять ошибок своего предшественника Дж. Буша, втянувшего США в затяжную войну в Ираке.

EN

US-Russia Relations in Syrian Conflict in the Mirror of Internal Political Debate within the Second Obama Administration (2012-2016)

Nadtochey Y. I., Khristenko D. N.

Abstract. The research objective is as follows: to identify specifics of US-Russia interaction during the conflict in the Syrian Arab Republic, taking into account internal aspects of decision-making process by the second administration of Barack Obama. The main focus of the study concentrated around periods of Syrian conflict and its dynamic. This approach made possible to find out how flexible US's and Russia's positions were when it came to making decision on intervention in Syria, especially in terms of scale and instruments required for that purpose. Scientific originality of the study lies in new methodological approach towards great power politics analysis in regional conflicts. US behavior during the Syrian conflict was placed at the core of the study. Levels of analysis were used in order to find out how different factors (both internal and external) influenced decisions made by Obama administration. The findings are as follows: contrary to demands of war protagonists who called the US president to intervene in Syria, Barack Obama vigorously resisted the decision to use force against regime of B. Assad in order to avoid mistakes made by George W. Bush, who dragged the United States into a protracted war in Iraq.

Введение

В течение многих десятилетий Ближний Восток оставался ареной противоборства сверхдержав – СССР и США. После завершения холодной войны геополитическая напряженность в этом регионе несколько спала, однако уже в начале XXI века вновь продемонстрировала признаки роста. Об этом свидетельствовали обострившийся палестино-израильский конфликт (2000 г.), вторжение США в Ирак (2003 г.), эскалация ситуации вокруг иранской ядерной программы и, наконец, конфликты в Ливии и особенно в Сирии. Последний стал самым продолжительным и самым кровопролитным вооруженным столкновением в новейшей истории Ближнего

Востока, уступив по количеству жертв только Ирано-иракской войне (1980-1988 гг.). Прямо или косвенно в него оказались вовлечены практически все страны региона.

Для внерегиональных держав, прежде всего России и США, сирийский конфликт стал не только зеркалом, отражающим различия в их региональных геополитических стратегиях, но и еще своего рода индикатором глубины их противоречий по вопросу о будущем мироустройства и миропорядка как таковых. В будущий мир Москва и Вашингтон смотрели сквозь призму во многом именно сирийского противостояния, причем с разных ракурсов и под разными углами зрения. Выбор соответствующей перспективы здесь зависел от действующего положения, которое каждая из держав занимала и занимает в международной системе. И если США по-прежнему сохраняют в ней статус государства-гегемона, способного руководить, хотя порой и с трудом, действующим международным порядком, то возможности России в современном мире все еще остаются достаточно ограниченными. Российское руководство в связи с этим предпринимает отнюдь не безуспешные попытки повышения статуса страны в международной иерархии, чему способствует политическая централизация процесса принятия внешнеполитических решений (McFaul, 2020, с. 100). У исполнительной власти США на этом пути больше препятствий ввиду специфики американской политической системы. Она несравнимо более плюралистична и конкурентна, нежели российская, а ключевые решения в ней (особенно по части военного вмешательства в международные конфликтные ситуации) принимаются через сложную систему сдержек и противовесов, межведомственные компромиссы, Конгресс и поддержку общественного мнения. Особенности поведения американского истеблишмента в ходе конфликта в Сирии служат тому наглядным подтверждением (Fitzgerald, Ryan, 2014, с. 109-132).

Актуальность исследования обусловлена важностью ближневосточного региона с точки зрения состояния дел в области международной безопасности. Высокий конфликтный потенциал региона традиционно способствует вовлечению в региональные очаги противостояния внешних игроков с противоположными геополитическими целями, особенно великих держав. Противоречия между ними на локальном и региональном уровнях, как это продемонстрировал конфликт в САР, способны перейти на более высокую ступень эскалации конфликта, повышая вероятность его перерастания в глобальный. Необходимость понимания логики принятия решений политическими элитами великих держав в этой связи становится императивом.

Для достижения цели были определены следующие задачи:

- охарактеризовать место и роль ближневосточного региона во внешнеполитических стратегиях США и России;
- обозначить периодизацию конфликта в Сирии в преломлении российско-американских отношений;
- выявить особенности внутривнутриполитической борьбы в США по вопросу вмешательства администрации Б. Обамы в сирийский конфликт.

Хронологические рамки исследования охватывают 2012-2016 гг., что совпадает по времени с периодом наибольшего обострения конфликта в Сирии и одновременно характеризует политику США в отношении этой страны в период пребывания у власти второй администрации президента Б. Обамы.

В статье применяются следующие методы исследования: метод исторической периодизации, историко-генетический и историко-описательный методы. Выявление условий и факторов, влияющих на выбор той или иной линии поведения в конфликте, потребовало применения инструментария уровней анализа в международных отношениях (уровень международной системы, уровень государства, уровень бюрократии, уровень индивида (лица, принимающего решения)). Теоретической базой исследования послужили научные работы представителей школы неоклассического реализма в теории международных отношений (Neoclassical Realism..., 2009). Они способны объяснить взаимовлияние внутренних и внешних факторов, зависимых и независимых переменных, предопределяющих выбор политиками тех или иных решений в процессе формирования внешней политики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в научно-аналитических (политический анализ), экспертно-консультативных (консалтинг органов власти), учебно-методических (преподавание) целях.

Основная часть

Демократическая администрация президента США Б. Обамы, придя в Белый дом в разгар мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., всячески пыталась сократить бремя внешних обязательств США, сделав американскую политику более экономной, рациональной, прагматичной и менее воинственной по сравнению с временами пребывания у власти администрации Дж. Буша-младшего. За два его президентских срока США существенно подорвали свои международные позиции и неформальный статус благожелательного гегемона, гаранта стабильности, заботившегося о прочности международного порядка и его основаниях – международных институтах (Kurchan, 2007, с. IX). И тем и другим неоконсерваторы Дж. Буша открыто пренебрегали, свидетельством чему стали вторжение в Ирак в марте 2003 г. и неудачные, как оказалось, американские планы по демократизации Большого Ближнего Востока.

С приходом же демократов в американском и не только экспертном сообществе заговорили о внешнеполитическом курсе на «высвобождение» США из бремени сверхдержавных уз (Сушенцов, 2013). Его результаты должны были почувствовать на себе в том числе и страны ближневосточного региона. В 2011 г. был выведен контингент войск США из Ирака, в 2014 – значительно сокращен контингент в Афганистане. В своих доктринальных документах американские демократы провозгласили «поворот в Азию», подразумевая под этим

новую политику США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это решение спровоцировало некоторую озабоченность и даже опасения традиционных европейских партнеров Америки (Shambaugh, 2013, с. 10). На этом фоне внутренние проблемы Сирии и других государств региона, как показали события Арабской весны 2011 г., не расценивались Вашингтоном как повод для автоматического американского вмешательства, учитывая конструктивные отношения со многими авторитарными лидерами ближневосточных стран (Selim, 2013, с. 259). Такое допускалось лишь в крайнем случае и могло быть только ситуативным, тактическим и кратковременным решением, что и подтвердилось в ходе военной операции в Ливии весной-осенью того же года.

В отличие от американской стратегии «высвобождения», российские внешнеполитические приоритеты, особенно в период третьего президентства В. Путина, все отчетливее фокусировались на вполне конкретной цели – утверждении России в статусе реальной, а не только номинальной великой державы (Ло, 2018). Достижение этой цели, помимо всего прочего, подразумевало решение задач по укреплению и расширению связей с теми странами и регионами мира, где ранее присутствие СССР было не просто значительным, а едва ли не всеобъемлющим. Ближний Восток, безусловно, относился к их числу, причем Сирийская Арабская Республика там занимала особое место. Из всех партнеров и тем более союзников, имевших для СССР ключевое значение в годы холодной войны, Москве после ее завершения удалось сохранить крепкие, дружеские связи фактически только с Дамаском. Его поддержка объясняется несколькими соображениями: во-первых, на территории САР в порту Тартус находится один из немногих оставшихся у России зарубежных военно-морских объектов – пункт материально-технического снабжения ВМФ РФ; во-вторых, Сирия выступает традиционным покупателем российского вооружения; в-третьих, и это, возможно, определяющий фактор, режим Б. Асада дает России возможность не выпадать из списка ключевых внешних акторов ближневосточной авансцены. Отвлечение внимания международного сообщества от Украины и его переключение на Сирию вряд ли было главной целью Москвы при планировании операции российских ВКС в сирийском небе. Однако эти действия, предпринятые Россией, вызвали определенный отвлекающий эффект в масштабах мирового сообщества. К тому же война в Сирии выступала всего лишь одним из эпизодов сложной конфигурации тем, содержательно определяющих российско-американские отношения на других условных «фронтах». Внутрисирийское противостояние в этом смысле играло роль своего рода добавочного фактора, способного при неблагоприятном стечении обстоятельств усложнить, а при благоприятном, напротив, улучшить текущее состояние дел между Москвой и Вашингтоном на других важных для них международных направлениях, включая постсоветское пространство.

Длительность течения сирийского конфликта позволяет выделить в нем по меньшей мере три этапа, позволяющие выявить логику действий российских и американских властей, которая позволила избежать прямого столкновения России и США на сирийской территории. При этом на всех этапах необходимо принимать во внимание не только общую международную ситуацию, неблагоприятствовавшую усилению российско-американских противоречий вокруг Сирии, но и многочисленные внутренние факторы американской политики, сделавшие прямое вмешательство США в конфликт весьма ограниченным по масштабам, определяемым целям и задействованным средствам. На первом этапе сирийского конфликта, по крайней мере начиная с весны 2012 г., российско-американские отношения все еще испытывали на себе остаточное действие политики «перезагрузки», провозглашенной тремя годами ранее на встрече министра иностранных дел РФ С. Лаврова и госсекретаря Х. Клинтон (Stent, 2012, с. 135). Администрация Б. Обамы была намерена и далее развивать конструктивный диалог с российскими властями – естественно на выгодных для себя условиях – даже после президентских выборов в марте 2012 г., приведших к возвращению на президентский пост В. В. Путина. При этом Белый дом не ограничился лишь устными заявлениями: с 2009 по 2011 гг. в российско-американских отношениях наблюдалось явное потепление, которое администрация старалась подкреплять такими важными для России шагами, как отказ от размещения элементов системы ПРО в Польше и Чехии и подписание Договора СНВ-3.

Гибкая позиция, занятая Кремлем во время конфликта в Ливии, отказ от ветирования в Совбезе ООН Резолюции 1973, открывшей в конечном счете путь к интервенции НАТО против Джамахирии, давали Вашингтону надежду, что Москва и впредь не будет активно противодействовать западным инициативам в отношении Ближнего Востока. Предполагалось, что Кремлю будут импонировать заявления официальных властей США, подчеркивавших исключительный и разовый характер вмешательства в Ливии, которое не будет тиражировано в масштабах всего ближневосточного региона применительно к другим странам. Это подтверждалось в том числе и утечками в такие ведущие американские СМИ, как «Нью-Йорк таймс», на страницах которых администрация США дала понять, что никаких действий в рамках доктрины гуманитарной интервенции в Сирии предпринято не будет.

Личная незаинтересованность Б. Обамы во вмешательстве в сирийский конфликт накануне президентских выборов 2012 г. предопределила и отсутствие условий для принятия каких-либо более или менее серьезных мер политического либо экономического воздействия в отношении России. Более жесткие шаги предпринял лишь контролируемый республиканцами Сенат, где по инициативе группы видных сенаторов во главе с Дж. Маккейном звучали призывы к администрации с требованиями усилить давление на Дамаск (<https://foreignpolicy.com/2012/03/28/mccain-resolution-calls-for-safe-zones-and-arming-the-syrian-opposition/>).

Росли воинственные настроения и в нижней палате Конгресса. 19 июля 2012 г. Палата представителей США подавляющим числом голосов (407 – «за», 5 – «против») в ходе рассмотрения военного бюджета на 2013 финансовый год приняла поправку, запрещающую Пентагону сотрудничать с «Рособоронэкспортом», указав в качестве причины поставки российской компанией вооружений режиму Б. Асада (<https://foreignpolicy.com/2012/07/20/house-votes-to-cut-off-pentagon-deals-with-russian-arms-exporter/>).

В этих условиях администрация Б. Обамы была вынуждена реагировать на критику и демонстрировать оппонентам свою решимость в разрешении сирийской проблемы. Однако даже после переизбрания на новый срок президент и его обновленная команда лишь в некоторой степени изменили отношение к событиям в САР. В частности, американские власти признали, что в рядах оппозиции, помимо светских сил, действуют и радикальные исламисты, в частности «Фронт аль-Нусра», который Госдепартамент внес в список террористических организаций. Данный факт играл на руку официальному Дамаску и Москве, которые неоднократно заявляли, что правительство ведет войну не против своих граждан, а против иностранных наемников и террористов (<https://www.aljazeera.com/news/2012/12/11/us-blacklists-syrian-rebel-group-al-nusra>).

Нежелание администрации вмешиваться в ситуацию в Сирии вооруженным путем по-прежнему сохранялось даже после прозвучавших в адрес сирийского руководства обвинений в использовании химического оружия. Вашингтон формулировал свою позицию крайне осторожно, давая понять, что меры против режима Б. Асада будут иметь лишь невоенный и ограниченный по своим масштабам характер. Примером подобного подхода как раз и служили переговоры Дж. Керри в Москве в начале мая 2013 г., в ходе которых он безуспешно пытался призвать Россию не продавать Дамаску современные системы ПВО, а именно комплексы С-300. В то же время по итогам состоявшихся переговоров американской и российской стороне удалось договориться о созыве не позднее конца мая 2013 г. международной конференции в Женеве, основным вопросом которой должно было стать формирование переходного сирийского правительства из числа представителей всех конфликтующих сторон (<https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2013/05/209117.htm>).

Осознание рисков хаотизации Сирии в случае победы там радикальных исламистов явно снижало у трезвомыслящего вашингтонского истеблишмента мотивацию к безоговорочной поддержке противников Б. Асада. Менялись настроения конгрессменов и сенаторов, в среде которых все чаще звучали голоса противников американского вмешательства. 20 июня 2013 г. сенаторы Т. Юдалл, К. Мерфи, М. Ли, Р. Пол выдвинули законопроект, который запрещал поставки оружия сирийской оппозиции (A bill to restrict..., 2013), аргументируя это тем, что Вашингтон не способен гарантировать, что оружие не попадет в руки радикалов. Из этих же соображений за блокировку военной помощи сирийским повстанцам 10 июля 2013 г. проголосовали члены Комитетов по разведке Палаты представителей и Сената США.

Против военных поставок в Сирию открыто выступил и Пентагон. Смысл возражений сводился к тому, что вмешательство в ближневосточный конфликт Соединенным Штатам просто не по карману. Председатель Комитета начальников штабов генерал М. Дэмпси направил 22 июля 2013 г. в Сенат США открытое письмо, в котором разъяснил, во сколько обойдутся бюджету различные сценарии вмешательства в сирийский конфликт. Возможных видов вмешательства, отметил М. Дэмпси, всего пять: обучение и снабжение повстанцев; ограниченные авиаудары; введение бесполетной зоны; буферные зоны на границе с Иорданией и Турцией; установление контроля над химическим оружием. Первый вариант – обучение и поддержка – потребует от нескольких сотен до нескольких тысяч человек личного состава и около 500 млн долларов в год. Остальные варианты предполагают еще большие затраты. Нанесение авиаударов по ключевым военным объектам сирийской армии – миллиард долларов в месяц. Создание над конфликтной территорией бесполетной зоны – подобно тому, как это делалось в Ливии – миллиард за 30 дней. Открытие на границах Сирии буферных зон, где повстанцы могли бы пополнять ресурсы и восстанавливать силы, обойдется в ту же сумму (<https://abcnews.go.com/blogs/politics/2013/07/gen-martin-dempsey-lays-out-us-military-options-for-syria>).

Нежелание Белого дома нести столь значительные расходы понятно, учитывая, что государственный долг США достиг рекордной на то время отметки в 16,8 трлн долларов. В марте 2013 г. Б. Обама был даже вынужден начать процедуру автоматического секвестра бюджета – сокращения расходов на 1,2 трлн долларов в течение ближайших десяти лет и на 85 млрд долларов к концу финансового года. Большая часть суммы, на которую сократился бюджет, пришлась на Пентагон, бюджет которого был урезан на 43 млрд долларов (<https://www.bbc.com/news/world-us-canada-21638727>).

Таким образом, с весны 2012 г. по лето 2013 г. неблагоприятные для начала войны условия, сложившиеся как внутри самих США, так и за их пределами, не способствовали принятию американскими властями решений о сколь-нибудь масштабном вмешательстве в сирийский конфликт.

Применение 21 августа 2013 г. химического оружия в районе Восточная Гута под Дамаском ознаменовало собой начало второго этапа развития политики США на сирийском направлении. Будучи беспрецедентным событием, нарушающим нормы международного гуманитарного права, сам факт использования оружия массового уничтожения существенно укрепил в американском политикуме позиции сторонников силового решения сирийской проблемы.

Президент Б. Обама, до этого допускавший военное вмешательство в конфликт только в крайнем случае, был вынужден демонстрировать большую решимость в своих публичных заявлениях. Он отметил, что вправе принять решение о военном ударе сам, но просит одобрения Конгресса в соответствии с демократическими основами американского государства (Address to the Nation..., 2018). А это была непростая задача. Еще 4 сентября 2013 г. состоялось голосование в Комитете по иностранным делам Сената США, которое, несмотря на поддержку решения о военном ударе, выявило достаточно сильную оппозицию в рядах республиканцев и колебания в стане демократов. Десять сенаторов (семь демократов и три республиканца, включая Дж. Маккейна) поддержали позицию Б. Обамы, семеро (пять республиканцев и два демократа) отказали президенту в поддержке. А сенатор-демократ от Массачусетса Э. Марки от голосования воздержался, заявив, что до сих пор колеблется о своей поддержке вторжения в Ирак (<https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2013/09/04/who-voted-for-the-syria-resolution/?hpid=z1>).

Не состоялось и намеченное на 11 сентября 2013 г. голосование полного собрания Сената США (<https://www.bbc.com/news/world-us-canada-24043751>), которое, как нам представляется, было перенесено под воздействием двух важных обстоятельств. Во-первых, 9 сентября 2013 г. Москва выступила с предложением передать сирийское химическое оружие под контроль международного сообщества, а впоследствии уничтожить его, что фактически устраняло предлог для вторжения. Во-вторых, Г. Рид и остальные лидеры демократов, по видимому, решили не рисковать и избежать возможного поражения при голосовании, что ударило бы по Б. Обаме, подобно тому, как это случилось с Д. Кэмероном в Великобритании. Английский премьер-министр, как известно, активно выступал за удар по Сирии, но по итогам голосования в Палате общин в конце августа 2013 г. потерпел серьезную неудачу. За военное вмешательство высказались 272 члена Палаты общин, тогда как 285 человек выступили против. В результате Великобритания заявила, что участвовать в военной операции на Ближнем Востоке не будет (<https://www.bbc.com/news/uk-politics-23892783>).

О том, что ситуация вполне могла повториться и в американском Конгрессе, свидетельствуют данные «Вашингтон пост», опубликованные 13 сентября. Согласно информации газеты, даже в контролируемой демократами верхней палате Конгресса США 43 сенатора выступили против удара по Сирии, 8 – скорее против, 34 – не решились и только 23 человека поддержали военную операцию. В Палате представителей расклад еще показательней. Против удара выступили 162 конгрессмена, скорее против – 101, не определились – 145, за – всего 25 членов нижней палаты (<https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2013/09/13/many-members-who-voted-for-tough-stance-on-syria-now-oppose-military-action/>). В этой неопределенной ситуации Вашингтон с радостью ухватился за российскую инициативу по передаче сирийского химического оружия под международный контроль. Это предложение Москвы стало для администрации Б. Обамы хорошим выходом из сложного положения, а госсекретарь Дж. Керри начал консультации с министром иностранных дел С. Лавровым, завершившиеся подписанием 14 сентября 2013 г. согласованного плана по установлению контроля над химическим оружием в Сирии (<https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2013/09/214250.htm>). Впрочем, внутри США такой оборот дел понравился далеко не всем. 18 сентября в совместном выступлении в Далласе два бывших министра обороны США Л. Панетта и Р. Гейтс подвергли жесткой критике главу Белого дома, обвинив его в слабости (<https://www.usatoday.com/story/news/politics/2013/09/18/panetta-gates-obama-syria/2829803/>), хотя предложение российской стороны было выгодно не столько лично президенту, сколько американскому государству. Вместо войны с неизвестным финалом, но с очевидными значительными расходами, новыми людскими и имиджевыми потерями США без лишних усилий избавили Сирию от наиболее мощного военного средства – оружия массового уничтожения.

27 сентября 2013 г. члены Совета Безопасности ООН единогласно проголосовали за резолюцию по Сирии, которая осудила использование химического оружия, но не возложила вину ни на одну из сторон в конфликте (Security Council, 2013). Решение о военном ударе было окончательно отложено на неопределенный срок, а наметившиеся тесные контакты МИД России и Госдепартамента США позволили подготовить почву для проведения полномасштабной конференции по урегулированию сирийского кризиса, ставшую известной как «Женева-2». Такая ситуация резко контрастировала с временами проведения предыдущей встречи «Женева-1» в июне 2012 г., где США и Россия занимали диаметрально противоположные позиции. Теперь же Москва и Вашингтон не только выступили совместными инициаторами проведения новой конференции, но и в значительной степени преодолели разногласия, понимая безальтернативность сотрудничества по сирийскому вопросу.

Впрочем, для американских властей ситуация в Сирии не являлась ключевым фактором в широком плане выстраивания взаимоотношений с Россией. Одновременно с сирийским кризисом на состояние дел между двумя странами оказывали влияние множество других событий и факторов. Некоторые из них, как, например, сотрудничество Москвы и Вашингтона по иранской ядерной проблеме, органично дополняли и укрепляли очевидные успехи российской и американской дипломатии на сирийском треке. Другие же, как это было в случае с конфликтом вокруг Украины и внутри нее, девальвировали позитивные достижения, выводя российско-американские отношения на новую кризисную траекторию.

Начиная с весны-лета 2014 г., после присоединения Крыма к России и начала боевых действий на Донбассе, характеристика России в качестве противника США вновь зазвучала из уст должностных лиц, прежде всего представителей Пентагона (<https://time.com/2825992/hagel-asks-nato-members-for-more-money/>). Однако на официальном уровне власти США по-прежнему стремились выносить Сирию, как, впрочем, и Иран, за скобки всех иных пунктов разногласий с российской стороной, подчеркивая важность сотрудничества с Москвой именно по этим двум странам. Госдепартамент поддерживал тесные контакты с российским МИДом, а регулярные встречи его главы, Дж. Керри, с министром иностранных дел РФ С. Лавровым происходили настолько часто, что стали для прессы едва ли не дежурным событием.

Как следствие, к середине лета 2015 г. в российско-американских отношениях сложилась противоречивая ситуация. После подписания соглашения по Ирану Москва и Вашингтон посылали друг другу взаимоисключающие сигналы. С одной стороны, обе стороны выражали готовность к разрешению существующих разногласий, прежде всего украинского кризиса, с другой – негативная тенденция продолжала доминировать в повестке двусторонних отношений, сказываясь на ситуации в Сирии.

Начало военной операции российских ВКС в Сирии 30 сентября 2015 г. стало отправной точкой для отчета третьего этапа российско-американских отношений в контексте сирийского конфликта. Чем менее активно действовала на сирийском направлении американская администрация, тем большее окно политико-дипломатических, а затем и военно-силовых возможностей открывалось для Москвы. Она не преминула использовать имеющиеся преимущества для активизации своей политики в Сирии.

Военная поддержка Дамаска стала логичным продолжением дипломатических усилий РФ, нацеленным как на защиту законных властей САР, так и на решение более широкого спектра задач по защите интересов России в ближневосточном регионе и за его пределами. В отличие от ранее применявшихся осуждающих заявлений и пассивного дипломатического и пропагандистского противодействия, как это было во времена американских вторжений в Югославию (1999 год) и Ираке (2003 год), Россия открыто применила военную силу, продемонстрировав серьезность своих намерений не только западным странам, но и региональным элитам тех ближневосточных государств (Турция, Израиль, Саудовская Аравия), сотрудничество с которыми для Кремля являлось наиболее приоритетным.

Прямое военное вмешательство российских ВКС в Сирии существенно усилило интерес американской стороны к диалогу с российскими партнерами, о чем свидетельствовали многочисленные телефонные переговоры между госсекретарем Дж. Керри и С. Лавровым на протяжении всего сентября 2015 г. Вслед за Госдепартаментом в диалог включился и Пентагон. 18 сентября 2015 г., впервые за долгое время, министр обороны РФ С. Шойгу и его американский коллега Э. Картер напрямую обсудили механизмы разрешения сирийского конфликта и кампании против террористической организации «Исламское государство» (запрещенная в России организация) (<https://www.bbc.com/news/world-middle-east-34294640>).

Изменение позиции Вашингтона, очевидно, было связано с тем, что сами Соединенные Штаты потеряли контроль над ситуацией в Сирии и не видели четких перспектив ее разрешения. Удары с воздуха, которые американская авиация в течение всего 2015 г. наносила по позициям ИГИЛ (запрещенная в России организация), не дали ощутимого результата, попытка подготовить и вооружить «умеренных повстанцев» также потерпела неудачу. В этих условиях военное присутствие России в Сирии представляло для США определенный интерес в рамках взаимной борьбы против сил ИГИЛ (запрещенная в России организация). Со своей стороны, Россия, переживавшая кризис в отношениях с Западом, также была заинтересована в восстановлении американо-российских контактов. Для обеих стран это было императивом, поскольку в результате украинского кризиса контакты между ними, особенно по военной линии, были фактически полностью заморожены.

Тем не менее обе державы сталкивались на этом пути и с немалыми препятствиями, одним из которых выступала сложноорганизованная политическая система США. Межведомственные противоречия, межпартийные споры и личные амбиции отдельных политиков и чиновников развели американский истеблишмент по разным углам – «ястребов», сторонников «жесткой линии», требующих более решительного ответа на внешнеполитические притязания России, и условных «голубей», выступавших с более дипломатичных позиций. В первой группе особенно выделялись руководители силовых структур США – министр обороны Э. Картер и глава ЦРУ Дж. Бреннан. Оба открыто возмущались излишней мягкостью администрации Б. Обамы, ее нежеланием «противодействовать» В. Путину (<https://www.wsj.com/articles/pentagon-cia-chiefs-dont-think-russia-will-abide-by-syria-ceasefire-officials-say-1456235932>). Другую группу возглавлял Госдепартамент, выступавший за «мягкую линию» в отношениях с Москвой. 14 июля 2016 г. госсекретарь Дж. Керри провел переговоры с президентом В. Путиным и министром иностранных дел С. Лавровым, на которых сделал ряд предложений по сотрудничеству в Сирии. В частности, они подразумевали создание российско-американского имплементационного центра для поддержания перемирия и нанесения ударов по позициям террористических организаций в регионе (<https://www.nytimes.com/2016/07/15/world/middleeast/john-kerry-vladimir-putin-syria-plan.html>).

Вплотиться в жизнь этой идее помешала бомбардировка гуманитарного конвоя, якобы произошедшая 19 сентября 2016 г. Она дала новый повод американским военным из числа «ястребов» обвинить в этом событии своих российских коллег и выступить против любых договоренностей с ними. Так, председатель Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) генерал Дж. Данфорд на слушаниях в Сенате заявил, что он не намерен сотрудничать с Россией в процессе обмена разведанными (Hearing to Receive Testimony..., 2016).

Российский контраргумент об отсутствии следов авиаудара, разумеется, никого не убедил. Хрупкое перемирие оказалось полностью сорвано, и после серии вооруженных инцидентов правительство Сирии объявило о выходе из режима прекращения огня. Начавшееся наступление войск Б. Асада на подконтрольную повстанцам часть восточного Алеппо полностью денонсировало российско-американские договоренности, достигнутые С. Лавровым и Дж. Керри.

Одновременно возникла опасность прямого военного столкновения России и Америки в самой Сирии. Кремль продемонстрировал решимость значительно «повысить ставки». Минобороны РФ объявило о готовности развернуть в Сирии комплексы С-300, а Госдума единогласно ратифицировала российско-сирийское соглашение о бессрочном размещении авиационной группы в Сирии на аэродроме Хмеймим. Наконец, к сирийскому побережью Латакии направилась российская военно-морская эскадра во главе с тяжелым авианесущим крейсером «Адмирал Кузнецов» и атомным ракетным крейсером «Петр Великий».

Со своей стороны, Вашингтон перешел к противодействию России с нескольких направлений: информационно-пропагандистского, экономического и военного. Первое предполагало не только дипломатическое давление на Москву по традиционным каналам, но и широкое обсуждение «насилия» России над гражданским населением в Сирии на заседаниях в ООН, в СМИ и экспертной среде с целью настроить против Москвы мировое общественное мнение и создать надлежащий антироссийский фон. И действительно, на этом направлении Америка достигла определенного успеха. В октябре 2016 г. Россия была вынуждена объявить «гуманитарную паузу» в Алеппо, прекратить удары по позициям боевиков и предоставить «зеленые» коридоры для выхода мирного населения.

На экономическом фронте, подразумевавшем введение против российских должностных лиц новых санкций, достижения США были менее заметны. К тому моменту основной объем ограничительных мер в отношении России американская сторона уже успела исчерпать, а новые санкции уже не могли усилить эффект ранее введенных.

Третье направление – военное – также детально прорабатывалось американским руководством. В администрации Б. Обамы подробно обсуждались планы по нанесению ударов по позициям правительственных войск президента Сирии Б. Асада, созданию бесполетных зон, а также увеличению поставок вооружений «умеренной» оппозиции. Однако профессиональные американские военные расценили данные шаги как слишком рискованные ввиду рисков прямого военного столкновения с Россией (<https://www.bbc.com/news/world-middle-east-37621825>). В итоге от них пришлось отказаться, что давало 44-му президенту США шанс на постепенную деэскалацию конфликта с Москвой. Закончить второй президентский срок началом новой ближневосточной авантюры с неясными для Америки перспективами ему явно не хотелось.

Заключение

На конечный исход, определивший отказ США от масштабного вмешательства в сирийский конфликт, повлияло несколько групп факторов, которые хорошо прослеживаются на разных уровнях – международной системы, государства, властных групп (бюрократии). Первый уровень характеризуется сужением возможностей США после воинственного десятилетия республиканской политики Дж. Буша-младшего, особенно после вторжения в Ирак, подорвавшего престиж и авторитет США как государства-гегемона и обострившего многие внутренние, прежде всего экономические, проблемы в Америке. Второй уровень демонстрирует рефлексию администрации Б. Обамы по поводу этих прошлых неудач, стремление президента-демократа избегать втягивания США в новые военные авантюры. Третий уровень – сложная результирующая межведомственных споров, противоречий между ветвями власти по поводу целесообразности военной акции против Дамаска.

Сирийский конфликт стал своего рода индикатором, показавшим неготовность обеих держав сделать его основным корнем своих противоречий. Это подтверждается периодизацией конфликта и особенностями поведения российских и американских политиков на разных этапах развития ситуации в Сирии. Вмешательство США в конфликт ограничилось более скромными мерами поддержки сирийской оппозиции из-за нежелания администрации Б. Обамы втягивать свою страну в новый затяжной конфликт с неясными перспективами. Решение президента не начинать новую ближневосточную войну было принято даже вопреки морально-психологическому давлению со стороны американских политиков-«ястребов», требовавших от Белого дома более решительных действий.

Напротив, российское вмешательство в Сирии носило более выраженный характер: впервые с момента завершения холодной войны Россия использовала военную силу далеко за пределами своих границ. В то же время как для России, так и для Соединенных Штатов участие в сирийском противостоянии было отражением всего комплекса противоречий между ними. При этом логика поведения Москвы и Вашингтона в Сирии дает основания полагать, что они успешно справились с задачей по недопущению перевода этого конфликта из разряда региональных в категорию глобального противостояния с участием двух ведущих мировых держав.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31530.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research within the framework of the scientific project No. 21-011-31530.

Источники | References

1. Ло Б. Внешняя политика России при Владимире Путине. Авантюризм или реализм. 2018. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bobo_lo_russia_foreign_policy_ru_2018.pdf
2. Сушенцов А. А. Высвобождение Америки. Преимущества ослабления глобального лидерства США // Россия в глобальной политике. 2013. № 5.
3. A bill to restrict funds related to escalating United States military involvement in Syria // Congressional Record. Senate. June 20, 2013.
4. Address to the Nation on the Situation in Syria. September 10, 2013 // Public Papers of the Presidents of the United States. Barack Obama. 2013. Book II. July 1 to December 31, 2013. Washington: United States Government Publishing Office, 2018.
5. Fitzgerald D., Ryan D. Obama, US Foreign Policy and the Dilemmas of Intervention. N. Y.: Palgrave, 2014.
6. Hearing to Receive Testimony on U.S. National Security Challenges and Ongoing Military Operations. Committee on Armed Services. September 22, 2016. Washington.
7. Kupchan Ch. The End of the American Era U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. N. Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2007.

8. McFaul M. Putin, Putinism, and Domestic Determinants of Russian Foreign Policy // *International Security*. 2020. Vol. 45. № 2.
9. *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy* / ed. by S. E. Lobell, N. M. Ripsman, J. W. Taliaferro. Cambridge: Cambridge University. Press, 2009.
10. Security Council. Resolution 2118 (2013). 27 September 2013 // *Yearbook of the United Nations*. 2013. Vol. 67.
11. Selim G. The United States and the Arab Spring: The Dynamics of Political Engineering // *Arab Studies Quarterly*. 2013. Vol. 35. № 3.
12. Shambaugh D. Assessing the US “Pivot” to Asia // *Strategic Studies Quarterly*. 2013. Vol. 7. № 2.
13. Stent A. US-Russia Relations in the Second Obama Administration // *Survival*. 2012. Vol. 54. № 6.
14. Ло Б. Внешняя политика России при Владимире Путине. Авантюризм или реализм. 2018. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/bobo_lo_russia_foreign_policy_ru_2018.pdf
15. Сушенцов А. А. Высвобождение Америки. Преимущества ослабления глобального лидерства США // *Россия в глобальной политике*. 2013. № 5.
16. A bill to restrict funds related to escalating United States military involvement in Syria // *Congressional Record*. Senate. June 20, 2013.
17. Address to the Nation on the Situation in Syria. September 10, 2013 // *Public Papers of the Presidents of the United States*. Barack Obama. 2013. Book II. July 1 to December 31, 2013. Washington: United States Government Publishing Office, 2018.
18. Fitzgerald D., Ryan D. *Obama, US Foreign Policy and the Dilemmas of Intervention*. N. Y.: Palgrave, 2014.
19. Hearing to Receive Testimony on U.S. National Security Challenges and Ongoing Military Operations. Committee on Armed Services. September 22, 2016. Washington.
20. Kupchan Ch. *The End of the American Era U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century*. N. Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2007.
21. McFaul M. Putin, Putinism, and Domestic Determinants of Russian Foreign Policy // *International Security*. 2020. Vol. 45. № 2.
22. *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy* / ed. by S. E. Lobell, N. M. Ripsman, J. W. Taliaferro. Cambridge: Cambridge University. Press, 2009.
23. Security Council. Resolution 2118 (2013). 27 September 2013 // *Yearbook of the United Nations*. 2013. Vol. 67.
24. Selim G. The United States and the Arab Spring: The Dynamics of Political Engineering // *Arab Studies Quarterly*. 2013. Vol. 35. № 3.
25. Shambaugh D. Assessing the US “Pivot” to Asia // *Strategic Studies Quarterly*. 2013. Vol. 7. № 2.
26. Stent A. US-Russia Relations in the Second Obama Administration // *Survival*. 2012. Vol. 54. № 6.

Информация об авторах | Author information

RU**Надточей Юрий Иванович**¹, к. ист. н.**Христенко Дмитрий Николаевич**², к. ист. н.¹ Московский государственный институт международных отношений (университет)² Ярославский государственный медицинский университет**EN****Nadtochey Yurii Ivanovich**¹, PhD**Khristenko Dmitrii Nikolaevich**², PhD¹ MGIMO University² Yaroslavl State Medical University¹ ynadtochey@yandex.ru, ² khristenko1983@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.09.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): конфликт в Сирии; Ближний Восток; российско-американские отношения; вторая администрация Б. Обамы; внутривластная борьба; conflict in Syria; Middle East; Russian-American relations; B. Obama’s second administration; internal political struggle.